

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-158-173

О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Сибири XVII века, опубликованных до 1955 года

И. Р. Соколовский

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Методология истории определяет, что авторы будут писать в своих исследованиях. Она является предметом социальной философии. Однако, проанализировав ведущие работы данного периода по истории Урала и Сибири XVII в., мы пришли к выводу, что историки не занимались механическим иллюстрированием выводов социальной философии на историческом материале. В конце XIX в. В. И. Ленин с опорой на К. Маркса нарисовал схему «нового периода русской истории». В 1930-е гг. эта схема стала обязательной для отечественных историков. Однако очень быстро выяснилось, что не все ее элементы можно было обнаружить в сибирской истории XVII в. Причины могут быть связаны с отсутствием у купечества достаточной автономии, большим налоговым гнетом, возможностями извлекать выгоды из социального статуса, военными действиями. Сохраняя полную лояльность официальному тезису, в своих конкретных исследованиях ученые сибиреведы оказались большими эмпириками и предпочитали указывать на исторические факты, даже если факты не вписывались в официальную концепцию.

Ключевые слова

историография, рынок, капитализм, идеология, Сибирь, XVII в., историки, сибиреведение

Для цитирования

Соколовский И. Р. О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Сибири XVII века, опубликованных до 1955 года // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 158–173. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-158-173

© И. Р. Соколовский, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 2

On “Capital” and “Capitalism” in the Works of Soviet Historians on the History of Siberia of the 17th Century, Published before 1955

I. R. Sokolovsky

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The methodology of history determines what the authors will write in their books. The methodology of history is a subject of social philosophy. However, after analyzing the leading works printed before 1955 on the history of the Urals and Siberia of the 17th century, we came to the conclusion that historians did not mechanically illustrate the conclusions of social philosophy. At the end of the 19th century V. I. Lenin, relying on Karl Marx, drew a concept of the “new period of Russian history”. In the 1930s this scheme has become mandatory for all Russian historians. However, it quickly became clear that not all of its elements could be found in the Siberian history of the 17th century. The reasons may be related to the lack of sufficient autonomy for the merchants, great tax oppression, opportunities to benefit from social status, and military operations. Retaining full loyalty to the official thesis, in their concrete studies, the historians of Siberia have proved to be great empiricists and preferred to point out historical facts even if the facts did not fit into the official concept.

Keywords

historiography, market, capitalism, ideology, Siberia, 17th century, historians, Siberia

For citation

Sokolovsky I. R. On “Capital” and “Capitalism” in the Works of Soviet Historians on the History of Siberia of the 17th Century, Published before 1955. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 158–173. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-158-173

Общий взгляд на историю является предметом социальной философии. Она определяет методологию истории. Методика получения исторического знания носит научный характер. Методологии же у разных историков разные. Изучение методологии историографии позволяет понять, каким образом наши предшественники отбирали и группировались факты, и таким образом мы можем понять, что ускользнуло от их внимания.

Ранняя советская историография истории Сибири, труды, написанные в 1940–1950-х гг., нашла в свое время историографическое освещение как минимум в двух работах. Однако они опубликованы фактически «на излете» советского периода и связаны с ним более или менее тесно. Н. А. Миненко замечала те проблемы, которым посвящена данная статья, но не написала об этом. Кроме того, в ее работе не выделен отдельно период 1940-х – 1950-х гг., не рассматриваются работы историков об Урале, и нет четкой формулировки выводов [Горюшкин, Миненко, 1984]. Схожие проблемы есть и в работе О. Н. Вилкова, написанной на шесть лет позже [1990].

Общеизвестно, что идеология большевиков превратилась в методологию исторических исследований в результате сложного процесса на протяжении 1920–1930-х гг. и сохранялась в этом качестве до начала 1990-х гг. Однако базовые и самые общие трактовки этой идеологии существенно различались со временем даже в самых распространенных и проверенных текстах. Это влияло на историков. Одним из самых проблемных положений был тезис о формировании «буржуазных связей» – предпосылок «капитализма» и «капиталистических отношений», «складывания всероссийского рынка» со второй половины XVII в.

Однако поскольку К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин фактически ничего специально не писали по истории России и Сибири XVII в., то историкам «феодальной» Сибири пришлось довольствоваться всего несколькими цитатами из работ В. И. Ленина.

Большую роль в историографии играла цитата из работы «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов)». В. И. Ленин в 1894 г. писал (обозначим буквами русского алфавита его основные тезисы, которые будем далее проследивать в других текстах): «...только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое (а). Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями (б), постепенно растущим

товарным обращением (в), концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы (г), то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных (в)» [Ленин, 1958а. С. 153–154]. В обобщающей работе 1955 г. эта цитата называется «исходным положением для общей характеристики XVII века как особого периода русской истории» [Очерки истории СССР, 1955. С. 15].

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, как показывают его ремарки на страницах 403, 415, 430 и 600, сохранил прежнее отношение к «периоду новой истории». В книге содержится уточнение, что В. И. Ленин понимал рынок не просто как обмен товаров и услуг, а как элемент формирующегося нового порядка: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое» (отметим буквами русского алфавита еще несколько важных для нас положений). «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению (д). При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост общественного разделения труда (е) и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма. «...В товарном производстве и его абсолютной форме – капиталистическом производстве, – говорит Маркс, – продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации – превращению

в деньги, – поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противоплагаются им, как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком» («Das Kapital», III, 2, 177–178)» [Ленин, 19586. С. 21–22].

В. И. Ленин пишет: «Соединение отработочной и капиталистической системы делает современный строй помещичьего хозяйства чрезвычайно похожим по экономической организации на тот строй, который преобладал в нашей текстильной индустрии до появления крупной машинной индустрии. Там часть операций купец производил своими орудиями и наемными рабочими (снование пряжи, окраска и отделка ткани и проч.) (ж), а часть – орудиями крестьян-кустарей, работавших на него из его материала (д); (...) Там переходная система держалась веками, основываясь на ручной примитивной технике, и была сломана в каких-нибудь три десятилетия крупной машинной индустрией» [Там же. С. 198–199].

По нашему мнению, В. И. Ленин выстраивает такую схему исторического процесса: политическое объединение страны (а) создает пространство для действий уже существующих купцов (г), которые получают возможность торговать в разных местах (б) во все возрастающих объемах, аккумулируя всё большие денежные средства, что приводит к переменам в их образе действий (в). Поскольку они скупают и продают то, что уже и так производится и потребляется в реальных хозяйствах (д), то достаточно легко происходит процесс перехода на следующую стадию развития. Поскольку купцы (г) аккумулирует в своих руках средства гораздо большие, чем раньше, то они, стремясь получить большую прибыль и снизить издержки, переходят к реорганизации производства, сначала превращаясь из простых скупщиков ремесленной продукции в организаторов рассеян-

ной мануфактуры, а потом и в заводчика, который организует производство (ж). Появление на рынке большого количества более дешевых товаров вынуждает ремесленников (д) либо подчиняться купеческому капиталу, либо разоряться, что выбивает их из структуры феодальных отношений на рынок труда, где они пополняют кадр мануфактурных рабочих. Рост городов и населения, не занятого в сельском хозяйстве, создает потребность в продуктах питания во все большем объеме, поэтому они также начинают производиться на капиталистических началах (е). Чтобы перейти от этой стадии собственно к капитализму, требуется лишь «промышленная революция», которая вызывает переход от мануфактуры к фабрике. Однако социальная основа этого перехода – купцы-капиталисты, превращающие свои деньги в «капитал» (т. е. деньги, способные приносить ежегодную прибыль), и разоренные ими ремесленники и крестьяне, выброшенные на рынок свободного труда, – уже есть.

Такая позиция вполне согласуется с точкой зрения К. Маркса, у которого во втором томе «Капитала» мы можем обнаружить следующие замечания: «Торговый капитал (г), или деньги, как они выступают в виде купеческого имущества, есть первая форма капитала (в), т. е. форма такой стоимости, которая проистекает исключительно из обращения (обмена), сохраняет, воспроизводит и увеличивает себя в обращении, так что исключительной целью этого движения и этой деятельности является меновая стоимость (в). Налицо оба движения – покупать для продажи и продавать для купли, но [VII–53] преобладает форма Д – Т – Т – Д. Деньги и их умножение являются исключительной целью операции (в). Купец не покупает товар для собственных потребностей, ради его потребительной стоимости, и не продает его для того чтобы, например, погасить денежные обязательства или чтобы получить другой товар для удовлетворения своих потребностей. Его прямая цель есть увеличение стоимости, и притом в ее непосредственной форме в виде денег (в)» [Маркс, 1969. С. 370, 371].

Отечественная историография Урала и Сибири в 1940–1950-е гг. медленно прирастала как качественно, так и количественно, но многие ключевые элементы схемы не до конца прослеживались в русском историческом

материале и историки часто делали выбор в пользу материала, а не в пользу концепции. Ближе к концу работы мы выскажем предположение, почему материал лишь частично попадал под эту схему.

С. В. Бахрушин писал так: «Эти наблюдения, касающиеся “земледельческой вотчинной колонизации”, приходится значительно расширить. Они не менее справедливы и в отношении колонизации промышленной и сохраняют полную свою силу и применительно к заселению Сибири. (...) Однако и тут организующей силой было не феодальное правительство, а частный предприниматель, который гнал бездомную голытьбу в “неведущие земли” (а) и присваивал себе результаты ее труда в новых колониях. В руках количественно небольшой, но экономически мощной группы крупного купечества (г) скоплялись, благодаря торговле компрадорского типа и ростовщичеству, значительные денежные средства (б), которые не целиком пускались опять в торговлю и в рост. Наиболее энергичные представители этой группы находили выгодным помещать часть “прародительских пожитков” в разнообразные колониальные предприятия (ж), сулившие крупные барыши» [Бахрушин, 1940. С. 100]. Автор фиксирует наличие политического единства (а), расширение обмена (б), понуждающее агентов рыночных отношений (г) заниматься «капиталистической» колонизацией (ж).

Однако он приходит к неожиданным выводам: «Несмотря на широту и смелость охвата русский торговый капитал XVII в., развивавшийся в неблагоприятных условиях феодального строя, был еще очень слаб. Это выражалось, в частности, в том, что он не выработал никакой организованной системы кредита, – обстоятельство, которое ставило предпринимателя (г) в кабальную зависимость от казны, главной в стране финансовой силы, располагавшей свободными денежными и товарными ресурсами. Светешников умер на правеже, не расплатившись с казенными долгами, которые он наделал, ссужаясь у казны по принудительной расценке мехами для торговли» (здесь и далее выделено нами. – И. С.) [Там же. С. 99]. Капиталисты-купцы, которые должны были богатеть просто в силу развития торговых отношений (б), зачастую оказываются финансовыми агентами казны.

С. В. Бахрушин не всегда обнаруживал 1) представителей «экономически мощной группы крупного купечества» (г), 2) что они занимались колонизацией окраин независимо от казны, и данное обстоятельство 3) могло привести их не только к финансовому, но и личному краху как предпринимателей. При этом в начале своей работы С. В. Бахрушин подвергал критике тезис о том, что «в колонизации видели тогда в первую очередь результат правительственной деятельности, направляющей колонизационное движение по заранее намеченному руслу. Поэтому, изучая историю колонизации окраин, интересовались главным образом колонизацией правительственной, выразившейся в постройке новых городов» [Бахрушин, 1940. С. 128]. Н. А. Миненко пишет об этой работе С. В. Бахрушина в своем историографическом обзоре [Горюшкин, Миненко, 1984. С. 83].

В работе, вышедшей в 1951 г., В. В. Покшишевский принимает следующие моменты общей схемы: «миграции населения представляют собой одну из важных предпосылок для развития производительных сил – прежде всего за счет расширения территории хозяйственно освоенных площадей и территориального распространения (а) более передовых способов производства (в)». Какие же «передовые формы производства» (в) в Сибири находит автор на первом, из выделенных им этапов? Он пишет: «...например, горная промышленность здесь развивалась лишь в мануфактурно-крепостных формах (ж), и специфические приемы сибирской торговли и многое другое». Почему же эти формы сам автор не может признать передовыми? Потому что «для первого этапа существенно было, что, хотя в самой Сибири крепостные отношения не получили своего *классического выражения* (кроме горной промышленности (ж)), они безраздельно господствовали в Европейской России. Это определяло и то, что сам выход переселенцев (ввиду прикрепления крестьян к земле) был численно невелик, и то, что в Сибирь попадали в большом числе бежавшие от крепостного гнета люди (или сосланные крепостные) (д, е)». Даже для более позднего этапа он отмечает, что «то обстоятельство, что капитализм в самой Сибири, в частности в сибирском сельском хозяйстве, развивался в большей мере, чем в Европейской России, по американскому пути (ж) – не должно нас

обманывать. Это развитие все же испытывало могущественное влияние крепостнических пережитков в центре страны» [Покшишевский, 1951. С. 201].

Об одном из основных индикаторов распространения новых производственных отношений на зауральские территории (е) В. В. Покшишевский писал следующее: «...при сравнительно небольшом общем росте населения, умеренным был и рост городов. Это понятно: экономическая жизнь их стремилась главным образом к торговле (б), шедшей к тому же в отсталых, монопольных формах. Торговля отвлекала капиталы от промышленного употребления, а сама по себе не могла вызвать значительной концентрации населения» [Там же. С. 101].

Таким образом, у В. В. Покшишевского возникли иные проблемы, чем у С. В. Бахрушина, обнаружившего случаи отсутствия сильных и независимых купеческих капиталов (г). В. В. Покшишевский обнаружил, что на новых территориях (а) зачастую интенсивные торговые отношения не приводили к росту общественного разделения труда (е) и формированию производства на основании новых общественных отношений (ж), он склонен был обвинять в этом слабое развитие таких отношений в европейской части России [Там же. С. 201].

В середине 1950-х советские историки смогли перейти к обобщающим трудам. В предисловии к «феодалному» тому «Очерков истории СССР» авторы рисуют четкую модель поступательного развития экономических отношений: «лишь с образованием сильного Русского централизованного государства (а), обеспечившего серьезный хозяйственный рост (б), создались условия для устойчивого поступательного развития мелкого производства (в). В XVII в. в состоянии мелкого производства, вместе с ростом и углублением общественного разделения труда (е) и втягиванием непосредственных производителей города и деревни в рыночные отношения (ж), в хозяйстве страны произошли крупные сдвиги, отразившиеся в процессе складывания всероссийского рынка. В XVII в. ремесло продолжало развиваться вширь и совершенствоваться, но характерная новая черта его развития заключалась не в этом, а в превращении ремесла в товарное производство (е). Товарное производство, хотя и неодинаково во всех отрас-

лях ремесла, в течение XVII в. неуклонно растет. Наряду с этим наблюдается укрупнение производства (ж) и применение в нем наемного труда (ж); эта последняя тенденция отчетливо прослеживается в металлургии, металлообработке, солеварении, винокуренном и кожевенном деле и некоторых других видах промышленности. Можно говорить о новом качественном этапе развития мелкого производства в XVII в.» [Очерки истории СССР, 1955. С. 14]. «Домашняя крестьянская промышленность, составляющая «необходимую принадлежность натурального хозяйства», сохраняет свое значение (д), но уже не она характерна для промышленного развития в это время. (...) Развитие ремесла до уровня мелкого товарного (е)» [Там же. С. 15].

При конкретизации этой схемы оказывается, что «в XVII в. при сравнительной неустойчивости местного рынка, выражавшейся в быстрых изменениях спроса и предложения (б), а также при слабом развитии промышленности (е) существенное значение имел охват торговыми операциями большого числа пунктов. Благодаря этому торговые люди имели возможность использовать разницу цен в различных местах торговли и избегать убытков, связанных с колебаниями местных рыночных цен». Другими словами, констатируются вещи, идущие вразрез с основными положениями концепции в отношении последствий политической централизации.

Оказывается, что «полной специализации торговли еще не существовало. Даже крупные купцы торговали очень разнообразным ассортиментом товаров (е). Объясняется это медленным обращением капитала, вложенного в крупную торговлю, и связанным с такими операциями риском, отсутствием свободных средств и кредита. Торговый капитал к тому же был слабо связан с производством (ж). Ростовщичество еще не обратилось в профессиональное занятие. При разбросанности торговли требовалось множество посредников и агентов, которые у гостей исчислялись многими десятками. Более значительная торговля производилась или в форме общего нераздельного предприятия с участием всех членов семьи, или в виде складничества. (...) Крупный торговый капитал (г) вырос на торговых операциях как внутреннего, так и внешнего рынков, а также в торговле

с окраинами Русского государства, особенно с Сибирью, пушные товары которой только частично удовлетворяли внутренний спрос (е) и в большей части уходили за границу. Значительные капиталы образовались также благодаря участию торговых людей в казенных поставках». Авторы отмечают, что «накопление капиталов в торговле (г) было проявлением процесса первоначального накопления» [Очерки истории СССР, 1955. С. 127].

Получается, что политическая централизация не вела также к заметно-му разделению труда как в региональном, так и в профессиональном разрезе (е), а накопление капиталов не приводило к их вкладу в производство. Даже ленинская идея о превращении торгового капитала в промышленный («часть операций купец производил своими орудиями и наемными рабочими») не работает («торговый капитал к тому же был слабо связан с производством»). Кроме того, тут отмечается участие России в международном разделении труда. Отмечается уже выявленная ранее С. В. Бахрушиным тенденция тесной связи крупных купеческих операций и казенных денег.

Агентами рынка выступали не купцы (г), а феодалы и их зависимые крестьяне: «с другой стороны, феодальная эксплуатация в условиях развития товарно-денежного хозяйства оставляла возможность для некоторой немногочисленной группы крестьян достигать уровня значительного благосостояния и накапливать богатства. (...) Зажиточные крестьяне переносили свою инициативу из земледелия в сферу промысловой и торговой деятельности. В нижегородских вотчинах боярина Б. И. Морозова зажиточные крестьяне брали на откуп винокурни, производство кваса и сусла, мельницы и пр. (...) Феодалы через своих богатых крестьян пускали в оборот капиталы. (...) владельцы пользовались выгодами от (...) своих крепостных крестьян, облагая их повышенными оброками» [Там же. С. 191]. В таких случаях переход от торгового капитала к производительному должен был совершаться в рамках феодальной структуры, что не происходило в действительности.

Вместо превращения торгового капитала в промышленный через создание купцами мануфактур (ж), мы встречаем мануфактурное производство, которое существовало как дворцовое предприятие, не зависящее от коле-

баний рыночной конъюнктуры и неразвитости институтов, существующее прежде всего для удовлетворения роскошного потребления правящей верхушки [Очерки истории СССР, 1955. С. 627].

Происходило и то, о чем писал В. В. Покшишевский. Например, авторам приходилось признавать, что «первые русские мануфактуры, задуманные как предприятия капиталистического типа с эксплуатацией вольнонаемного труда, превращались в предприятия, в значительной мере эксплуатирующие и принудительный труд (ж). Удельный вес мануфактурного производства во всей промышленности России XVII в. был еще очень незначителен» [Там же. С. 16]. Это прямо противоречило представлениям не только В. И. Ленина, но К. Маркса, ибо не имело аналогов в Европе.

Хотя во «Введении» исследователи сначала делают вывод, что «в XVII в. товарное производство достигает заметных успехов, и на основе этих успехов начинает слагаться всероссийский рынок», а потом оговариваются, что «однако развитие товарного производства находилось еще в той стадии, когда оно лишь подготовляло *некоторые* условия для капиталистического производства и приводило к зарождению капиталистических отношений в рамках еще прочного и не исчерпавшего всех своих возможностей феодального, строя» [Там же. С. 27].

Мы предполагаем, что вне поля зрения В. И. Ленина и К. Маркса остался момент автономности купеческого капитала. В Московском государстве даже в дни мира фискальное давление на частный капитал было огромным. Даже если речь шла о патриотических или политических соображениях купцов, как в том случае, когда «Ярославец Надея (крещеное имя Елифанний) Андреевич Светешников принадлежал к той группе зажиточной посадской буржуазии, которая, *сильно пострадав* от расстройств экономической жизни страны, вызванного крестьянской войной и польской интервенцией начала XVII в., приняла деятельное участие в ликвидации последствий “смуты” и горячо приветствовала, а затем и широко использовала в своих интересах реставрацию 1613 г. Подпись Светешникова мы находим среди подписей других видных ярославских капиталистов под посланием, которое кн. Д. М. Пожарский, сосредоточив свои силы в Яро-

славле, разослал отсюда по русским городам с призывом к борьбе с польской интервенцией и к восстановлению государственного порядка» [Бахрушин, 1940. С. 101]. Таким образом политическое единство страны (а) не обязательно сопровождалось внутри- и внешнеполитической стабильностью.

Это приводило к усилению фискального гнета: «правительство рассматривало посадки как один из крупнейших источников денежных поступлений и возлагало на них все возрастающее бремя налогов. Вполне естественно было стремление посадов втянуть в свой состав все торгово-промышленные элементы, пользовавшиеся привилегиями и обладавшие значительными капиталами, чтобы они также разделили с ними налоговое бремя» [Очерки истории СССР, 1955. С. 225]. Это, в свою очередь, не давало, например, сформироваться центрам финансового притяжения в «беломестных» слободах.

Постоянная и острая нуждаемость больших и маленьких дельцов-торговцев в оборотных средствах заставляла их обращаться к казне, как к источнику искомых средств, а это могло привести к последствиям, описанным С. В. Бахрушиным. Кроме того, конкурентами купцов и ремесленников оказывались лица, которые могли конвертировать в торговые операции свой социальный статус и близость к структурам феодальной власти, не образуя параллельную ей капиталистическую структуру.

В конце XIX в. В. И. Ленин с опорой на «Капитал» К. Маркса нарисовал схему «нового периода русской истории», когда политическое единство страны приводило к усилению межобластных связей, накоплению капитала купцами, которые вкладывали его в производство, разоряя мелкое ремесло или увеличивая его концентрацию, что приводило к созданию мануфактур, вызывавших рост городов, специализацию и капиталистическое развитие сельского хозяйства.

Однако С. В. Бахрушин обнаружил, что не все купцы были успешными и часть получала свои капиталы от казны. Позже В. В. Покшишевский констатировал, что крупные предприятия мануфактурного типа основывались в Сибири не на свободном, а на рабском труде. Авторы «Очерков истории СССР» показали, что на такую форму труда переходили даже те мануфак-

туры, которые были основаны на свободном труде, а кроме того, успехом пользовались мануфактуры, основанные казной. Авторы этого тома отмечали также, что предпринимательской деятельностью занимались не только купцы, но и зависимые люди феодалов, что мешало перетеканию их капиталов в производство. Отмечалось, что экономические связи были не столь интенсивными и эффективными, как это предполагалось в схеме Ленина – Маркса.

Причины, по которым развитие межобластных связей не приводило к овладению купеческим капиталом производством и развитием мануфактурного производства в XVII в., а также формированию рынка свободного труда, могут быть связаны с отсутствием у купечества достаточной автономии, большим налоговым гнетом, возможностями извлекать выгоды из социального статуса, военными действиями.

Таким образом, идеализированная картина «элементов буржуазных (капиталистических) связей», созданная в теоретических трудах В. И. Ленина в конце XIX в., который опирался на работы К. Маркса, делавшего свои выводы на анализе западноевропейского исторического материала, не могла найти своего полного подтверждения в эмпирическом материале истории Сибири XVII в. Конечно, освещенные нами сюжеты не были четко обозначены на страницах исследовательских работ, но все же следует признать, что отечественные историки были весьма осторожны в тех случаях, когда источники противоречили схеме. Сохраняя полную лояльность официальному тезису, в своих конкретных исследованиях они сопровождали этот тезис определенными уточнениями, которые делали более полным отражение реального положения дел в развитии торговли и ремесла на Урале и в Сибири XVII в., чем господствовавшие в тот период концептуальные подходы.

Список литературы / References

Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1940.

Bakhrushin S. V. Promyshlennye predpriyatiya russkikh torgovyh lyudei v XVII veke [Industrial enterprises of Russian trade people in the XVII century]. In: Istoricheskie zapiski [Historical notes]. Moscow, Publ. house of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. (in Russ.)

Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Goryushkin L. M., Minenko N. A. Istoriografiya Sibiri dooktyabrskogo perioda (konets XVI – nachalo XX v.) [Historiography of Siberia before the October Period (end of the 16th – early 20th centuries)]. Novosibirsk, 1984. (in Russ.)

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.

Vilkov O. N. Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v kontse XVI – nachale XVIII v. [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th century]. Novosibirsk, Nauka, 1990. (in Russ.)

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958а, Т. 1. 663 с.

Lenin V. I. Chto takoe «druz'ja naroda» i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov? (Otvét na stat'i «Russkogo bogatstva» protiv marksistov) [What are the «friends of the people» and how are they fighting against the Social Democrats? (Response to the articles of «Russian wealth» against the Marxists)]. In: Lenin V. I. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1958a, vol. 1. (in Russ.)

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат. 1958б. Т. 3. 792 с.

Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii [The development of capitalism in Russia]. In: Lenin V. I. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1958b, vol. 3. (in Russ.)

Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. 2. 619 с.

Marx K. Kritika politicheskoi ekonomii [Criticism of political economy]. In: Marx K., Engels F. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 46, pt 2. (in Russ.)

Очерки истории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 960 с.

Ocherki istorii SSSR [Essays on the history of the USSR]. Moscow, Publ. Academy of Sciences of the USSR, 1955. (in Russ.)

Покшишевский В. В. Заселение Сибири: Ист.-геогр. очерки / Под ред. В. А. Кротова. Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.

Pokshishevskiy V. V. Zaselenie Sibiri: Istoriko-geograficheskiy ocherki [Settlement of Siberia: Historical-Geographical Essays]. Irkutsk, Irkutsk Region State Publishing House, 1951. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
14.03.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Ivan R. Sokolovskii, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sokolowski@yandex.ru